Екатерининская цензура из всех родов русской художественной литературы должна была бы обратить внимание прежде всего на оды, потому что одическая поэзия совершенно неизбежно тесно связывалась с «правительствующими лицами» и входила в ритуал праздничной жизни двора. Однако, хотя мы имеем очень раннее прямое и открытое цензурное распоряжение Екатерины II относительно недопущения в русские пределы заграничных изданий о Петре III, все-таки у нас создается впечатление, что сверху не было дано распоряжения об изъятии или уничтожении напечатанных в России од в честь Петра III, связанных с его именем и тем более упоминавших о нем, как о великом князе Петре Федоровиче. Например, в отчете типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, без всякой ссылки на высочайшее повеление, говорится, что остатки посвященной Петру III оды адъюнкта Бужо на французском языке было приказано употребить на макулатуру.[1] Так, местная администрация, свидетельница елизаветинских порядков по этой части, сама принимала соответствующие меры и достигла того, что все произведения одической поэзии кратковременного царствования Петра III, а также различные описания фейерверков (обычно печатавшиеся к тому же малыми тиражами) относятся к чрезвычайно редким изданиям. Яснее всего это обнаруживается в случае с речью Ломоносова о катадиоптрической трубе (на латинском языке). Она была напечатана к Петрову дню (29 июня) 1762 года для произнесения в торжественном собрании Академии наук в честь Петра III. Вследствие этого назначения совершенно специальный доклад академика имеет концовку, типичную для придворной панегирической манеры. После свержения Петра III (28 июня 1762 года) отпала всякая возможность произносить речь о катадиоптрической трубе. Единственный дошедший до нас печатный текст этой речи Ломоносова находится в библиотеке Центрального государственного архива древних актов с собственноручной пометкой академика Миллера на немецком языке, причем титульный лист как абсолютно криминальный кем-то был сорван.[2] Можно с большим основанием предполагать, что весь тираж этой речи был уничтожен советником Академии

[1] ЦГИАЛ, ф. 314, № 178 (за 1757 г.). Заведующий типографией дословно писал так: «Не повелено ли будет остальные 16 экземпляров употребить на маклетуру?»

[2] «Новый журнал естественной истории, физики, химии и сведений экономических», 1827, ч. III, № 1, стр. 31—50; М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 471—487 и 793—800.